Когда Цзянь Линь вернулся в заведение, Цзянь Лая не было — ушёл развозить заказы. За одним из столов сидели посетители, притащившие еду и выпивку с собой. Всего шестеро, и всё знакомые лица.

Знакомые Цзянь Линя — компания бывалых массовщиков, прожжённых киношных волков.

На столе красовались пластиковые контейнеры с покупной стряпнёй: мясо, овощи, суп. У хозяев же они заказали лишь горшочек каши да пару тарелок паровых закусок. Сдвинув два четырёхместных столика, массовщики вовсю пировали.

В любом другом месте такую компанию давно выставили бы за дверь, но только не здесь. Старший брат Цзянь, ходивший в хозяевах, хоть и считался скрягой, к знакомым младшего всегда проявлял радушие. Всё-таки все они протирали штаны в массовке, а Цзянь Линь был ещё совсем юн — в киногородке без присмотра этих бывалых волков не обойтись.

Прошедший год выдался для ветеранов массовки несладким. Съёмок мало, заработки мизерные — экономили на всём, даже курить пытались бросить.

Почти все они давно обосновались неподалёку от киностудии: обзавелись жильём, жёнами, детьми. На Новый год оставались в Юйчжоу, предпочитая не связываться с предпраздничной давкой на транспорте.

Вот и сейчас, перед самыми праздниками, собрались посидеть в заведении Цзянь Лая, а тот от щедрости забабахал им огромные порции.

Из посетителей — только их компания. Кондиционер усердно гудел, гоняя тёплый воздух, а хмельной чад смешивался со сплетнями и вздохами о жизни.

За кассой сидела одинокая Чжан Няньнянь, подперев щеку и вяло ковыряя домашку на каникулы.

Завидев Цзянь Линя, девчонка подмигнула ему, а захмелевшие мужики забормотали во весь голос:

— Ты чего так долго?

Повесив ветровку, Цзянь Линь подошёл к столу и окинул взглядом скудную снедь:

— И это всё, что вы принесли?

Мужики тут же подняли гвалт:

— Да ладно тебе, и так богато!

— Вот именно! В наши-то времена заработать негде, радоваться надо, что есть чем заесть!

— Ты ценник на свинину в этом году видел вообще?

— А говядину я вообще из дома умыкнул!

Цзянь Линь знал их с детства, поэтому церемониться не стал:

— Ладно, уплетайте. Если не хватит, потом доставку закажу.

Лица у этих дядюшек и братьев были обветренными, смуглыми от бесконечных съёмок под открытым небом, изрезанными морщинами. От крепкой водки они густо налились душным багровым румянцем, став похожими на шесть шумящих плодов личи.

Глядя на их багрово-чёрные физиономии, Цзянь Линь едва удерживал смешок. Он ушёл на кухню и вынес пару блюдец с тушёными куриными лапками.

Чжан Няньнянь тут же закрутила головой и запричитала:

— Хватит таскать! Мы так вылетим в трубу! Наш Большой босс всё прольёт слезами!

«Шесть плодов личи» дружно захохотали:

— Ох, подросла пигалица, куда веселее стала!

— Не скупись, девка, не разорим мы ваше заведение!

Они замахали Цзянь Линю:

— Давай, присаживайся! Взрослый парень уже, накати с нами пару стопок!

Цзянь Линь выдвинул стул, перемахнул через него длинной ногой и уселся.

Подобные заигрывания он слышал с самого детства — подбить пацана на выпивку у ветеранов считалось любимой забавой, эдаким ритуальным спектаклем.

Вот только насильно наливать ему никто бы не стал.

Они же сами когда-то вбивали ему в голову: «Нам пить можно. Зовут — пьём. А вот тебе — табу. Кто бы ни предлагал, держись от выпивки подальше».

Потому что в Юйчжоу, на киностудии, красивый ребёнок — будь то мальчик или девочка — с рюмкой в руке слишком легко влипает в неприятности.

Поэтому Цзянь Линь не пил. Ни с кем и никогда.

Он уселся за стол просто за компанию — послушать байки. А послушать было что: какой проект запускается, какой накрылся медным тазом, кому из массовки привалило счастье подписать контракт и стать актёром тридцатого эшелона, а кто из звёзд вот-вот вылетит в тираж.

Чжан Няньнянь подобралась ближе от кассы, навострив уши.

Слово за слово, и в разговоре всплыло одно имя.

Имя, вокруг которого сплетни не утихали никогда.

— Слыхали, Фан Ло Бэй вроде как возвращается в кино?

— Да ну! Серьёзно?!

— Брешут, поди.

— Вот и я говорю! Учителю Ло сейчас-то зачем сниматься?

На киностудии любой человек — «учитель».

Актёр-учитель, осветитель-учитель, сценарист-учитель, оператор-учитель… Да что там, даже массовщика тут величают «учителем».

Фан Ло Бэй, обладатель трёх грандиозных кинопремий, разумеется, тоже считался «учителем». Вот только все по привычке звали его Учителем Ло, а не Учителем Фаном — хоть он давно уже носил эту фамилию.

Почему?

Да потому что на заре карьеры никакого Фан Ло бэя не существовало. Он дебютировал под своим урождённым именем — Ло Бэй.

Фамилия Фан появилась намного позже.

Для обычного человека смена фамилии — дело житейское. Но только не для него.

Этот эпизод до сих пор оставался излюбленной темой для массовщиков Юйчжоу, обрастая байками из категории «Страсти и интриги Фан Ло Бэя» — за посиделками можно было перебирать их часами.

У Цзянь Линя от этих историй давно уже уши вяли — одно и то же по сотому кругу. Зато Чжан Няньнянь слушала затаив дыхание, словно впервые, с горящими от восторга глазами.

Поговаривали, что в самом начале, когда Фан Ло Бэй ещё оставался просто Ло Бэем, он был никем. Если точнее — обычным массовщиком.

В те времена семнадцать-восемнадцать лет считались ранним стартом, но громких проектов ему не перепадало, а до выигрышных ролей было не дотянуться. Он годами барахтался на самом дне индустрии.

А потом выстрелил: сыграл главные роли в двух сериалах подряд и моментально взлетел на вершину. Пошли новые проекты, признание, статус одного из ведущих актёров страны и первые весомые кинонаграды.

Отечественный шоу-бизнес тогда только набирал обороты: эпоха печатных газет уступала место интернету, а под влиянием отлаженной корейской индустрии идолов начался настоящий бум фабрик звёзд. Тогда-то в обиход и вошло слово «пиар».

Именно в этот момент Ло Бэй умыл всех конкурентов-сверстников и совершил стремительный рывок к славе.

Он не сходил с уст. Хорошее, плохое — сети ежедневно кипели обсуждениями.

У него забрали право на личную жизнь подчистую. Каждое шагание отслеживалось папарацци.

Частная жизнь, актёрская игра, полученные премии — даже то, что он съел на обед, разбиралось по косточкам.

Сумасшедшая медийность неизбежно породила волну грязи. В какой-то момент сети просто захлебнулись компроматом.

Шептались, будто его содержит какой-то богатей, будто сам он — корыстный карьерист, шагающий по головам. Утверждали, что на светских раутах он заискивает только перед влиятельной элитой, а на мелких актёришек даже взгляда не уронит.

Любой другой на его месте уже разразился бы гневливыми заявлениями через юристов, но Ло Бэй не проронил ни слова. Он продолжал сниматься и выходить в свет, игнорируя потоки помоев.

Когда журналюги пытались прижать его к стене вопросом: «Почему вы не оправдываетесь?», он просто проходил мимо.

Он был словно стрела, натянутая на тетиву: с открытым, бритвенно-острым наконечником, направленным только вперёд.

Его безудержное стремление к вершине видели абсолютно все.

Прошли годы, в индустрии воцарилась эпоха «трафика», зажглась плеяда новых скандальных айдолов, и прошлые слухи о Ло Бэе на их фоне поблёкли. Публика переключилась на свежие мишени.

В тот год Ло Бэй взял третью статуэтку «Лучший актёр», собрав полный комплект главных кинопремий страны.

И в тот же год прогремела новость: Ло Бэй официально сменил имя на Фан Ло Бэй.

Заголовки жёлтой прессы разрывались: «СЕНСАЦИЯ! Обладатель трёх кинопремий Ло Бэй — пропавший старший сын олигарха Фана?!»

История о том, как глава гиганта «Фанхэн» обрёл потерянного сына в лице известнейшего киноактёра, будоражила умы добрых полгода.

После того как новость просочилась в прессу, корпорация провела грандиозную пресс-конференцию. Там официальное родство подтвердили, подчеркнув: Фан Ло Бэй — их первенец, потерявшийся ещё в детстве. Семья искала его долгие годы, и он — родной брат признанного наследника, Фан Цзинъюаня.

Настоящий роман с продолжением, не иначе.

Позже фанаты любили смаковать его путь до возвращения в клан Фан: от никому не известного бедняка до трижды признанного гения, от безликой массовки до абсолютной вершины.

Агентство, подвязавшее его на старте, давно прогорело, а его бывший босс превратился в личного менеджера.

Сначала две статуэтки, потом три… Он не просто собирал награды — едва в стране зародился рынок коммерческого кино, Ло Бэй снайперски вложился в несколько сверхприбыльных

блокбастеров и озолотился.

А тот самый меценат, которому сплетники пророчили роль его «покровителя», в кризис едва не пошёл по миру — и компания, подконтрольная Фан Ло Бэю, безжалостно скупó распотрошила его активы.

И в качестве вишенки на торте — возвращение в лоно родной миллиардерской семьи.

В Юйчжоу мало кому из массовки удавалось выбиться в люди. Лишь Фан Ло Бэй стал недосягаемой легендой, кумиром и предметом гордости для каждого съёмочного бедолаги.

За его феноменальный путь и непреклонный характер фанаты закрепили за ним ярлык, недоступный ни одному другому актёру: Босс.

У Босса Ло есть всё: слава, престиж, касса и бесконечный инфоповод. Вылетит в тираж кто угодно, но только не он.

Даже хейтеры ядовито признавали: «Центр сцены? Да главный центр не достоин ему подмётки рвать!»

— Ну и ну! Жизнь — чистый сценарий, ей-богу!

Перебрав до косточек древние похождения Фан Ло бэя, мужики примолкли. Цзянь Линь почесал за ухом и поднялся сходить на кухню — проверить кашу.

Чжан Няньнянь встрепенулась, как локатор:

— А ещё? Ещё что было?

Один из багроволицых отхлебнул водки и задумчиво пробормотал:

— Ну как же, а история его любовных интрижек?

Другой подхватил:

— Ага, помнится, как только он стал «Фаном», актрисульки к нему так и повалили — надеялись в богатую семью пролезть.

— Слухов-то сколько ходило…

— А помните, как фанатки ор подняли, будто он чувствами актрис играет?

— Да кто ж знает, где там правда! Ясно одно: на актрисе он точно не женится. Семья не позволит. Если и брать кого, так только ровню — барышню из высшего общества.

Цзянь Линь вернулся за стол.

Чжан Няньнянь сидела подперев щёки, с расфокусированным мечтательным взглядом, точь-в-точь взволнованный кролик:

— Брат… Как думаешь, а вдруг в один прекрасный день выяснится, что я тоже… пропавшая дочь какого-нибудь олигарха?

Цзянь Линь чеканил каждое слово, руша её иллюзии:

— Когда ты родилась в Третьей больнице, я первым принял тебя от медсестры.

Мечта разлетелась в прах. Девчонка закатала глаза.

Цзянь Линь щелчком пальца откупил её по лбу:

— Очнись, школьница.

Тема Фан Ло Бэя казалась неисчерпаемой.

Цзянь Линь взял горсть варёного арахиса, расщёлкал весь, а мужики всё перемывали ему косточки.

Делать было нечего, и он уныло побрёл по залу. За окном висел серый туман — похоже, праздник выдастся ненастным.

Из-за стола снова донеслось:

— Так ты ж говорил, он сниматься возвращается?

— Да кто его знает! Сорока на хвосте принесла, а той — другая сорока.

— А за каким лешим ему сниматься? С его-то высот! Опять в блокбастеры лезть? Так деньгами он и без того набит.

— Сколько ему стукнуло? Двадцать девять?

— Тридцать.

— А, дак молодой ещё.

— По сравнению с тобой, старым хрычом, конечно молодой! Ты вон на нашего Цзянь Линя глянь — восемнадцать лет! Вот где сок да юность!

Цзянь Линь стоял у стеклянной двери, засунув руки в карманы и покачиваясь с носков на пятки.

«Сок-то сок… А толку, если съёмок нет?»

В голове мелькнула мысль о Ло Хуне — интересное дело, как там прошли пробы?

Спустя час с лишним на телефон пришло голосовое сообщение от режиссёра Ло:

— Ты завтра свободен? Приходи к десяти утра на прослушивание. Здание Гуанъюань, шестой этаж.

http://bllate.org/book/35901/4483708